

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 13 септѣбря 1881
1 септѣбря

Отдѣльные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 нумера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 нумера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaçtion du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.*

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Нашъ взглядъ на революцію и на задачу публицистики. — 2) На какихъ условіяхъ возможно единеніе съ поляками? — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. IV, *М. Драгоманова*. — 4) Наши дипломаты (письмо бывшего дипломата къ редактору). — 5) Письма о рабочемъ движеніи, гл. III: *Роль нѣмецкой социалной демократіи въ 70-хъ годахъ и французскаго социалистическаго движенія теперь. Успѣхи этого движенія, на сколько они проявились въ послѣднихъ выборахъ. Призывъ къ реорганизации рабочей партіи во Франціи*. — 6) Извѣстія и замѣтки: правильствениая коммиссія по вопросу объ уменьшеніи пылства въ народѣ; намѣренія бернскаго правительства на счетъ предстоящаго конгресса социалистовъ; смертность дѣтей и юношей въ селахъ и городахъ Россійской Имперіи; предметъ бесѣды г-на Гирса съ кн. Бисмаркомъ въ Данцигѣ; новый номеръ «Народной Воли»; выдача русскому правительству двухъ лицъ, укрывшихся отъ преслѣдованія полиціи на австрійской территоріи. — 7) Угроза Федеральному Совѣту. — 8) Поправка. — 9) Почему Барановъ — въ Архангельскѣ? — 10) Письмо къ редактору г-на *Дескура* и русскій переводъ этого письма.

Женева, 13 септѣбря.

Насъ не удивила помѣщенная въ „Новомъ Времени“ перепечатка изъ бернской газеты „*Bund*“, которая объясняетъ появленіе въ свѣтъ „Вольнаго Слова“ тѣмъ, что „нѣсколько писателей, не сочувствующихъ ни реакціи, ни революціи, не смотря на свое высокое общественное положеніе и связи свои съ лицами, стоящими у кормила правленія въ Россіи, признаютъ невозможнымъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской печати, заниматься публицистическою дѣятельностью въ своемъ отечествѣ“. Тоже самое читали мы и въ „*Wiener Allgemeine Zeitung*“ и въ „*Temps*“, и во многихъ другихъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ, также

какъ и въ „Новомъ Времени“, къ вышеприведеннымъ словамъ, взятымъ въ кавычки, прибавлялось, что слова эти заимствованы изъ программы, опубликованной, будто бы, редакціей „Вольнаго Слова“. Насъ не удивило, что „Новое Время“ приняло на вѣру ходячій слухъ, распушенный какимъ то досужимъ репортеромъ, не удивило потому, что именно „при нынѣшнихъ условіяхъ русской печати“ газета издающаяся въ Россіи не могла на мѣстѣ провѣрить достовѣрность подобнаго слуха. Мы говоримъ *на мѣстѣ*, такъ какъ при *иныхъ условіяхъ* редакція „Новаго Времени“ могла бы въ самомъ Петербургѣ удостовѣриться, что дошедшее до нея изъ Берна извѣстіе лишено всякаго основанія: стоило только прочесть любой изъ 5-ти вышедшихъ уже нумеровъ „Вольнаго Слова“. Редакция увидѣла бы тогда, что во всемъ разглашествованіи объ общественномъ положеніи и связяхъ съ кормиломъ правленія нашихъ сотрудниковъ нѣтъ ни единого слова правды, а главное, что ни о чемъ подобномъ никогда не заявляла наша газета и даже вовсе не объявляла своей программы. Не читали „Вольнаго Слова“ и „Петербургскія Вѣдомости“, отвѣчающія на замѣчанія „Новаго Времени“ по поводу цѣли изданія недавно появившейся въ Женевѣ еженедѣльной газеты на русскомъ языкѣ; оно не дошло вѣроятно и до редакцій другихъ издающихся въ Россіи газетъ, которымъ мы однако своевременно послали все вышедшіе нумера. Значитъ „китайскія стѣны“ между русскимъ и западно-европейскими государствами, стѣны, въ существованіе которыхъ не вѣрятъ „Петербургскія Вѣдомости“, стѣны воздвигнутыя отъ нашествія съ запада *освободительныхъ* идей, выражаемыхъ въ *вольномъ словѣ*, — такія стѣны дѣйствительно сущест-

вуютъ и воздвигаются, если не вполнѣ открыто, то и не совсѣмъ тайно, и во всякомъ случаѣ весьма ощутительно для всей грамотной Россіи.

Мы нашли приличнымъ основать органъ вольнаго слова по ту сторону китайскихъ стѣнъ нашего отечества въ увѣренности, что желающіе вступить съ нами въ обмѣнъ идей и стремленій къ народному освобожденію найдутъ способъ обойти препятствія, создаваемые полицейскою предусмотрительностью и беззащитностью почтоваго вѣдомства; мы не обманулись въ своей надеждѣ; но уже одно существованіе такихъ препятствій для органовъ печати, издающихся въ Россіи, служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему мы издаемъ газету за границей.

Что касается до программы нашего изданія, то мы нашли излишнимъ ее формулировать по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Мы не предлагаемъ правительству, какъ это дѣлаютъ наши собратья въ Россіи, вопросовъ на разрѣшеніе, потому, что очень хорошо знаемъ, что наши жизненные вопросы не могутъ быть разрѣшены въ правительственныхъ канцеляріяхъ и усиліями чиновничества, хотя бы и при содѣйствіи свѣдущихъ людей. Чиновничество естественно станетъ заботиться лишь о томъ, что ему выгодно; свѣдущіе люди могутъ разсуждать лишь о томъ, что *имъ* извѣстно; но эти чиновничьи заботы и разсужденія свѣдущихъ людей могутъ оказаться одинаково далекими и отъ дѣйствительныхъ нуждъ и отъ дѣйствительныхъ желаній большинства разноплеменнаго населенія Россіи, если бы каждой національности и каждой мѣстности предоставлено было свободно высказаться.

2. Мы не намѣрены слѣдовать примѣру тѣхъ публицистовъ, которые, счи-

пасности на первый планъ, стала злобою для современного русскаго общества. Къ счастью, оно еще не пошло въ полицію, какъ того желали и даже требовали московскіе ораторы и апологеты самодержавія; но несомнѣнно однако, что народъ не изъявляетъ готовности идти на помощь протестующимъ не въ той формѣ, въ какой складывается народное движеніе, и не въ томъ направленіи, какое указывается совокупностію нуждъ населенія.

Мы считаемъ, какъ это мы и заявили въ передовой статьѣ перваго нумера нашего изданія, что успѣхъ общаго дѣла освобожденія зависить отъ степени сознанія нами силы въ самихъ себѣ, „отъ дружнаго, повсемѣстнаго и одновременнаго заявленія той неотступной въ своихъ требованіяхъ воли, которая зовется именемъ воли народа и какъ таковая пользуется неотразимостію судьбы и непреложностію слова истины.“

Мы основали свободный отъ цензурно-полицейскихъ тисковъ органъ печати съ цѣлью способствовать выраженію этой совокупной воли и не откажемся служить общему дѣлу освобожденія, каковы бы ни были пути и способы дѣйствія, избранные для доведенія его до конца народами, населяющими Россійскую Имперію.

Такова цѣль изданія въ Женевѣ газеты „Вольное Слово“.

Познакомьте съ нею вашихъ читателей, гг. издатели газетъ, выходящихъ въ Россіи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы ниже, въ подлинникѣ и въ рускомъ переводѣ, письмо поляка-патріота, уроженца Царства Польскаго. Уважаемый авторъ письма отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей протягиваетъ руку русскимъ людямъ, стремящимся водворить въ нашемъ *общемъ отечествѣ* правовой порядокъ на мѣсто царствующаго въ немъ по настоящее время произвола и справедливо замѣчаетъ, что достиженіе желаемого во многомъ будетъ облегчено, если и поляки помогутъ. Мы ничего такъ не желаемъ какъ дружнаго отпора деспотизму совокупными усиліями всѣхъ братскихъ народовъ, населяющихъ Россійскую Имперію, и мы, а вмѣстѣ съ нами и братья наши—украинцы, великоруссы и бѣлоруссы,—всѣ, кому дорога свобода личности, совѣсти и національности, могутъ отвѣтить только дружескимъ поздравленіемъ, безъ задней мысли, отъ сердца протянутой рукѣ собрата-поляка. Но будемъ помнить, что союзъ народовъ, населяющихъ великую равнину Восточной Европы, союзъ не принудительный какъ нынѣ, а добровольный, каковымъ онъ дол-

женъ быть, не есть союзъ только *двухъ* племенъ — великорусскаго и польскаго. Такой союзъ былъ бы не только громадною политическою ошибкою, которая еще болѣе усложнила бы существующія недоразумѣнія относительно племенъ бѣлорусскаго и малорусскаго, но былъ бы физически невозможенъ, безъ приобщенія къ нему бѣлоруссовъ, — такъ какъ эти послѣдніе служатъ территоріальнымъ, а потому и естественнымъ звеномъ между Польшей и Великою Россіей, — и политически безсилны въ разобщеніи съ малорусскимъ племенемъ, исторически предназначеннымъ быть носителемъ демократическаго принципа — равенства и братства — и исторически же поставленнымъ на стражѣ у входа въ великую восточную равнину съ юго-запада (черезъ Карпаты) и съ юга (со стороны Чернаго моря).

Въ государствѣ, обнимающемъ собою всю великую восточно-европейскую равнину, внутренній миръ, а слѣдовательно внутренняя крѣпость и сила внѣшняя зиждутся на братскомъ единеніи четырехъ неречисленныхъ нами славянскихъ племенъ. Всѣ они безспорно члены одной и той же семьи, — славянской, дѣти одной родины, — великой восточно-европейской равнины, но безспорно также, что каждое изъ нихъ уже вышло изъ младенческаго состоянія, достигло до высшаго сознанія своей личности, — до сознанія своей національности и принадлежащихъ ей правъ, а потому не можетъ сносить долѣе ни отчаго деспотизма централизованной государственной власти, ни главенства старшаго брата, который самъ не хозяинъ у себя дома и не можетъ имъ стать, покуда братья не могутъ.

Старый деспотическій принципъ — господства *одной* національности въ разнплеменномъ государствѣ — уже на нашихъ глазахъ уступилъ мѣсто дуализму (въ Австро-Венгріи) и далъ возможность правового существованія двумъ національностямъ съ полицейскимъ подчиненіемъ всѣхъ остальныхъ въ томъ же государствѣ. Но, очевидно, правовой порядокъ не можетъ остановиться на этой зародышевой ступени своего развитія и полулиберальный, полудеспотическій дуализмъ долженъ будетъ уступить мѣсто *свободной федераціи* всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ одного государства.

Поэтому относительно *нашей общей* съ поляками *родины* мы не можемъ остановиться на нерешитѣ, предлагаемомъ г-мъ Дескурромъ. тѣмъ болѣе, что такая остановка повела бы, какъ мы уже сказали, еще къ большому осложненію недоразумѣній, существующихъ по отношенію къ бѣлоруссамъ и украинцамъ, не говоря уже о неславянскихъ окраинахъ Имперіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

IV

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ специальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этно-

графіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читалъ труды напр. Костомарова. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень не великъ. Но за то Герценъ имѣлъ превосходное политическое образованіе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ, — и большой запасъ наблюденій надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россіи, — правду и фальшь стремленій польскихъ „историческихъ“ патріотовъ всѣхъ отбѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь въ особенности, послѣ изданія его „Посмертныхъ статей“, видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патріотами была въ сущности очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласій и критическаго отношенія Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ“ стремленій, основамъ, которыя польскіе патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь специально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого по видимому крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностранномъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не къ одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля *). Кромѣ того Герценъ имѣлъ и общенациональную философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ, или лучше великоруссофилъ, — который стремился къ вольтеріанству, и социализму придать великороссійскія основы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ, — какъ и Константинъ Аксаковъ, и ихъ другіе московскіе товарищи, былъ гегеліанецъ. По ученію же Гегеля все развитіе человечества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами, — (преимущественно пруссаками), — при чемъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предполагалось, — такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ, — при чемъ социалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей смѣнѣ германскаго періода

* См. Сборникъ Посмертныхъ статей, 210—211.

истории славянским съ учением о предстоящей замѣнѣ господства буржуазин торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое учение, подпираемое еще и до сихъ поръ не переставающе пугать Европу фразой Наполеона I: *dans 50 ans l'Europe sera républicaine ou cosaque**, Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый мѣръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ“. У самого Герцена это учение умѣрялось широкимъ образованіемъ и терпимостью огромнаго ума,—по у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартынова, оно доходило до отрицанія правъ великорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ учение это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши,—такъ какъ, по этому учению, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая, подъ вліяніемъ Запада, сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, пуждалась въ союзъ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ, касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія, говорилъ онъ,—да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша,—и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,—а теперь особенно послѣднія, представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что, для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ, и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшею“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказываться о польскомъ вопросѣ,—но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страдающей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г., въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первые двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западноевропейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая

въ особенности на важность для Россіи социально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство. Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи, т. е. къ русскому государству. Онъ говоритъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаетъ ли мы, чтобъ свободная Польша оторвалась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко непонимая всякую централизацию, я убѣжденъ, что соплемнныя федераціи дадутъ средѣ государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлала ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставитъ ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.“

„Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ быть надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой къ новой свободной социальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не поконитъ на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія дѣньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой идутъ на отдыхъ(!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи—начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.“

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ идти на помощь къ Москвѣ, такъ какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.“

„Но что онъ считаетъ своей границей?..“

Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши“. Но гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить трудно, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

„Что мы возьмемъ за его основаніе? Присоединеніе Червонной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украины къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы рѣчи Посполитой съ козаками*). Въ продолженіи ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей, Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ любви къ Польшѣ отдался царю. Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украину и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его согонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ *польскому*, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, мѣръ, сходку, общинное владѣніе земель,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унию, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе земель, тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.“

„Но, скажите, что же мы за послѣдшкіи вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какаю полосу земли, куда принадлежитъ, не спросивъ людей на ней живущихъ... Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, поминишъ всѣ притѣсенія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая съ другой, каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросу рѣшается очень просто. Украину слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признавать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не на

*) Червонная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украина присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей,—въ 1654 г., слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большей части Украины два періода исторіи: литовскій (2½ вѣка) и польскій (вѣкъ).

столько сломанные правительством и помещиками, чтоб потеряли всякое чувство пародности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознание у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?

„Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ те имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, нерешающую черезъ кнутъ къ намъ, черезъ палежъ къ намъ, или, если они умны, протянутъ намъ обомъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обомъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общими дѣломъ и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ“...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержокъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною, — а потому мы отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу“, или къ сборнику „За пять лѣтъ“, — а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола“.

„Я только для *нерусскаго* славянскаго міра, — говорилъ Герценъ, — отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ въ распахъ“, — и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго“ царства и современнаго настроенія ея, въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Дужалъ, подобно многимъ русскимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей (и, забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) и заявить, будто въ Россіи даже правительство и помещики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по сколько и на какихъ условіяхъ, — и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранили Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго), — Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ социальной катастрофѣ, — въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земнаго шара, со всеми Туранскими и Чудскими примѣсами, съ социальными инстинктами, освобожденная отъ пѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ, — не для помощи Россіи, — ужъ она то фага да се, — не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣ этихъ китобразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста, — а для того чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время. — особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсъ къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма, а также познаніе деталей исторіи и положенія великорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою, — составили около вполне вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, по все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія, — такъ какъ онъ, во первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демократіи, — а, во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе, — не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ отъѣзжковъ, — у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ болѣе мистицизмомъ, — по даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны были усвоить и федеральную, и социалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной и претензіозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великоруссами, — и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ незамѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобщаго бюрократизма („Денъ“, „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“, — который сначала, въ 1863 г., представлялъ собою въ польскомъ вопросѣ идею петербургскихъ западниковъ и либераловъ) почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи“, о спасеніи потерявшей славянскую обликъ Польши чисто-славянскими началами, сохранившимися въ Велико-Россіи и т. п. Теперь подобнаго рода

мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но они далеко не исчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Васильчиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ Ю. Самарина, Черкаскаго, Н. Милотина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учреждений, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ великаго рода централизаторскихъ и православно-обручительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самаго Черкаскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ изъ московскаго славянскаго комитета и кн. Ал. Васильчиковымъ въ петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнута-бойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильныя противобѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только социализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы въ Царствѣ Польскомъ могли бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится же напр. безъ него практической Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860-е годы; не совсѣмъ они обходятся безъ него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народинковъ“, цензурныхъ и безцензурныхъ. А между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Велико-Россіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, социализма, правдоискательства и т. п., — вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китанизмъ и ученіе о томъ, что „Москва — третій Римъ, а четвертаго не будетъ“.

Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена, — такъ какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣры противъ національной индивидуальности Польши, — то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья, покатались еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).